

в одном лице, хотя бы в действительности его исторический герой лишь в слабой степени напоминал этот примерный портрет¹.

Очевидно, в „Сказании“ целый ряд эпизодов, подробностей, относящихся к истории похода, к организации разведки, боя, подробностей военно-исторического характера, связанных с великим князем московским, является отражением исторических фактов, сведений о которых по другим источникам у нас нет; но совершенно очевидно также, что во многом, а особенно в самой трактовке и освещении автором „Сказания“ героев своего повествования, перед нами не отражение исторических событий 1380 года, а отражение идеологии автора „Сказания“, идеологии начала XV века.

Автор „Сказания о Мамаевом побоище“ поставил перед собой задачу рассказать о победе русских на Куликовом поле для того, чтобы в годы княжения Василия Дмитриевича, после Едигеева нашествия, показать, в чем была причина победы Дмитрия Донского над врагом, численно превосходившим русское войско, во время нашествия Мамай, не менее страшного, чем нашествие Едигея.

Современники Едигеева нашествия главную причину поражения русских и успеха Едигея видели в недостаточном единодушии русских князей, а также, очевидно, в том, что великий князь не возглавил лично борьбу против татар. И автор „Сказания“ на примере Дмитрия Донского нарисовал идеальный образ великого князя московского; на примере единения русских князей вокруг князя московского и их верности ему во время событий 1380 года он показал образец тех отношений, которые должны существовать между великим князем московским и удельными князьями. Рассказывая после тяжелых последствий Едигеева нашествия о блестящей победе русских на поле Куликовом, автор „Сказания“ тем самым говорил, что русские сильнее татар и что с Ордой можно и нужно бороться.

Сторонниками сильной княжеской власти, и именно князя московского, в начале XV века являлись внутри господствующего класса служилые бояре, „подручные князья“ князя великого и другие группы служилого слоя феодалов. Они были заинтересованы в усилении власти великого князя московского, в том, чтобы остальные русские князья и княжества находились в полном подчинении одного сильного князя, каким в то время уже был великий князь московский. Усиление великокняжеской власти было обусловлено развитием экономики страны, отвечало экономическим интересам служилого слоя феодалов. Усиление единовластия московского князя и подчинение ему всех остальных русских князей было необходимо для борьбы с внешними врагами Русской земли и в первую очередь с татарами. Именно эти идеи, эти устремления отразил автор „Сказания“ в своем произведении, показывая на примере Куликовской битвы успех объединения и подчинения всех русских князей великому князю московскому.

Классики марксизма-ленинизма учат, что в период феодальной раздробленности идея королевской власти является идеей прогрессивной, отвечающей интересам широких трудовых масс. „Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XIV—начала XV в. и народная поэзия. Труды ОДРА, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 112—113.